

От Чукотки до Крыма

12+

Владимир Калягин

Владимир Калягин
От Чукотки до Крыма

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Калягин В.

От Чукотки до Крыма / В. Калягин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В этом сборнике стихи о родной земле, где основные приоритеты - Таймыр, Чукотка, Хакасия и Крым. Размышления, переживания. "Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла" (С. Есенин). Для оформления обложки использована иллюстрация с сайта pexels автора Rudolf Kirchner.

Живу с роднёй в ладу, с Россией всею.
Я, как и мать, её боготворю.
И вот иду в раздумьях к Енисею,
С ним, как с отцом ушедшим, говорю.

Крадётся вечер на кошачьих лапах.
А из логов, где набухает ночь,
Плывёт густой травы привядший запах –
Его ничто не может превозмочь.

Клубясь, сгущаясь, шорохи ночные
Ползут киношным чудищам сродни.
Вдали мигают бакены речные
И катерка сигнальные огни.

Охотно пью с горчинкой пряный воздух
В костре с углями думы вороша.
У ног моих волна качает звёзды,
И в звёздный омут падает душа.

Она и впрямь когда – нибудь отбудет,
И знаю даже более того –
Не лгал, не крал – во след мне скажут люди
И не столкнул с дороги ни кого.

Был не подвержен зависти и лести
И если новых истин не открыл,
Зато о вечных – совести и чести
Без показухи, честно, говорил.

Род, по Тахтаракову, издревле.
Есть большая, дружная родня.
И Биджа, обычная деревня,
Светом незакатным для меня.

Здесь родился, наливался силой,
Набирался опыта, ума.
Общий дом – огромная Россия,
Дом родной – Хакасия сама.

Всё впервые; свет и жизни звуки,
Тропка в жизнь, которой пошагал.
Древние крестьянские науки
Не по книгам, сутью, постигал.

Не успел, как надо, оглядеться
Прёт войны ревущая волна.

Детство оскоплённое, без детства,
Хапнувшее горюшка сполна.

Сколько нас сиротами осталось,
Жизнь саму проклявшую сто крат,
Сколько в том строю не досчиталось,
Как пропавших без вести солдат.

Знаю, жизнь нельзя переиначить
Как пиджак по росту перешить,
И большою, от судьбы, удачей,
То что выжил и остался жить.

Пусть и скупо был судьбой обласкан,
Пусть и редко, но она была,
Ведь не горе мыкать лишь хакаска
В свет меня когда-то родила.

Зарю склевали снегири, наверное
Пятно Луны блестит как медный грош,
Его теперь, как чувство суеверное,
И не пытайся даже, не сотрёшь.

Всплеснулись звёзды голубыми свечками,
Мерцаньем до земли дошёл их свет,
И ночь в пространстве расплескалась речкою
Без берегов, конца и края нет.

Знать, не дано, что впереди назначено.
Дышу, держусь свободно на плаву,
И вот, рекою чудною подхваченный
Почти бездумно, радуясь, плыву.

И голова, с чего – не знаю кружится.
Темно вокруг, а помыслы ясны,
И снег сомлел, и на асфальте лужицы,
И шалый воздух с запахом весны.

Что голова – сама душа куражится
Иным теперь в ней ценностям почёт,
И оттого, наверное, нам кажется,
Что вёсны все, допрежние, не в счёт.

И вот пришла, преодолев все трудности.
Её причудам станем потакать.
И всё впервые, как и в ранней юности:
Творить, влюбляться, дали покорять.

Привыкаем к счастью понемногу –
Души, нараспах, обнажены.
Мы любовью – это значит Богом,
Будто нить с иглой сопряжены.

Нежный образ был в мечтаньях соткан.
И от всех в душе её скрывал.
Там, на стылом берегу Чукотки
Под шинелью сердцем согревал.

Политбредни слушала в пол-уха,
На плацу, на стрельбище – при мне.
Ела, морщась, пресную « кирзуху»,
Задыхалась в тундре на лыжне.

Не беда, что писем не писала.
Знать меня поскольку не могла,
И не зная, всё ж, меня спасала,
От напастей всяких берегла.

Вот люблюсь рядом и тоскую
Вдруг с мечтою встретиться б не смог,
Но увидел именно такую
На одной из жизненных дорог.

Оглянулась так, из интереса,
Улыбнулась будто невзначай –
Знаки власти получай принцесса
И в придачу принца получай.

Правь, повелевай моей страной,
Мне мои свободы не нужны.
Руку дай и в дальний путь со мною
В высочайшем звании жены.

И по капле к счастью привыкаю,
Жизнь, так будто, с чистого листа,
Поцелуем нежным размыкаю
Для любви созревшие уста.

Не мог, сигналом в сердце, обмануться,
Не так – то просто сердце провести.
Прошла такая! Как не оглянуться.
А оглянулся – глаз не отвести.

Прошла и окатила нежным взором.
С судьбой, я понял, в жмурки не играй.
Пошёл за ней бы даже до Босфора,
Да что Босфор, за самый края край.

А ей родная по сердцу сторонка,
Где все как есть и каждый – на виду,
И я пошёл безропотным ребёнком,
А может как телок на поводу.

Мы с ней столкнулись будто по наитью
Как две ладьи в водовороте дней.
Сердца связались, из тончайших, нитью,
А оказалось – нет её прочней.

Моя опора и моя слабинка.
Мне и зимою рядом с нею – Май.
И что Босфор, по жизненной тропинке
Пойду за ней за самый края край.

День был в разгаре, кажется, недавно
И зной палил, что думать было лень,
Но вот за грань скатилось солнце плавно
И снизошла спасительная тень.

И тут же всё в природе изменилось;
Ползла, сгущаясь, над землёю хмарь,
Луна пятном неясным проявилась
Как замутнённый копотью фонарь.

А звёзд! Их кто-то пригоршнями сеял
По пьяне иль с удачливых торгов.
Принёс прохладу ветер с Енисея
И вместе с нею запахи лугов.

В душе, а может в воздухе тревожно:
Грешить или замаливать грехи.
Такую ночь представить невозможно,
Но с нею в душу просятся стихи.

В кромешной мгле несложно заблудиться
И не придёт, и по приказу, сон

Хотелось с милой ночью насладиться,
Чтобы дыханье даже в унисон.

И знаю, ждёт души моей царица
Все мысли к ней с волнением бегут,
И распахнутся радостно ресницы,
И губы поцелуем обожгут.

Взывала к небу женщина о встрече,
По жизни рано мужа потеряв -
Пусть встретится хороший человек:
Их несть числа, любителей халяв.

В душе о наболевшем говорила
Как с добрым собеседником – на ты.
Свою молитву Господу творила
И ту же – перед ликами святых.

Сомненье было – сбудется едва ли,
И есть ли он, да и каков тот срок,
И вдруг – картина Репина – не ждали
Встречать мужчину вышла за порог.

И дрогнуло у женщины сердечко,
И поняла, как током обожглась,
Господь послал такого человечка
Как и мечтала – вот и дождалась.

Амур по этим двум не промахнулся,
Великий спец искусства своего,
Господь, исполнив просьбу, усмехнулся –
Воздастся каждым по делам его.

Июнь в фаворе – трав и красок буйство.
Средь них справляет лето торжество.
И вот уходит, сдав своё дежурство,
Мне жаль, по-человечески, его

Он столько сделал доброго в природе –
Теплом, дождями землю ублажал.
Всё – в рост, как на опаре, в огороде
И нас работой, в радость, нагружал.
Всё устремилось в толкотне и писке.
Я радуюсь напору и дивлюсь,
Ведь горожанин только по прописке –

Душою деревенским остаюсь.

А там июль на всех парах – на встречном,
Таков в природе скоростной режим,
И жаль, в Сибири лето быстротечно,
И не с того ль им больше дорожим.

Оно, так жаль, не делится на части,
Как правда – не прибавить, не отнять,
Даётся нам для радости и счастья,
И есть зима – те прелести понять.

Заботы дня хотелось сбросить с плеч,
В себе замкнуться, отключить мобильник.
На дно подлодкой надо было лечь,
Мешал урчаньем даже холодильник.

Ещё с другим я действием оплошал,
Наивно думал, не наступит случай
И он, забытый, вроде не мешал
И резким звоном, жизнь идёт, озвучил.

А я-то думал, в мире одинок
И поздно ставить дерзкие задачи,
Но этот, вдруг, нечаянный звонок
Всю жизнь мою, как есть, переиначил.

Я согласился на прямой вопрос.
И более, на встречу согласился
К её крыльцу я шёл с букетом роз,
И оказалось, сердцем прилепился.

Душе, как и судьбе, не прекословь,
И я пришедшим чувствам повинуюсь_
Возникла к этой женщине любовь –
Гляжу, гляжу и всё не налюбуюсь.

Звонку тому спасибо говорю
За эту жизнь, за обновленье мира,
За женщину, что я боготворю.
Пусть говорят – не сотвори кумира.

Зубцы Саян и степь с напевом древним.
Живу я, тем особо дорожа,
Что есть в родной Хакасии деревня

И речка с тем же именем – Биджа

Порой куда-то выносило юзом –
Вот так на поворотах в гололёд,
Жил на задворках бывшего Союза,
Где транспорт, будто праздник – самолёт.

Там сотни километров меж селений,
А под ногами тундра, мох иль снег,
Друзьями – чукчи и при них олени.
До новых стойбищ – суточный забег.

Картины жизни, будто на экране
И всё былое – кажется вчера,
И вижу встречу в Тихом океане –
Наш теплоход, японцев сейнера.

На их улыбки тем же отвечаем,
У дружбы меж людьми свои права.
–Хрусёв Гагарин, Дружба, Мир – звучали
На их манер знакомые слова.

И пусть сравненья для кого-то странны.
Селенья есть красивей и древней,
А мне Биджа, как край обетованный
И мир вокруг, как приложение к ней.

В селе не утихают разговоры –
Июль сказался просто молодцом.
На грядках рясно зреют помидоры,
Засилье прыщеватых огурцов.

Окинешь взглядом – буйство в огороде,
Охватит душу радостная дрожь –
По – плану словно всё идёт в природе,
Жару сменяет благодатный дождь.

Всё в изобилье, что бывает редко –
Картошка в рост, капуста завилась,
Черным – черно смородины на ветках,
Малина сладким зельем налилась.

Мужчины спозаранку на покосе –
Прогноз дождливый, будто в спину нож,
И каждый месяц что-то преподносит
И чем – нибудь, и всё таки, хорош!

И дождь пришёл, как было и обещано-
Там пуповина видно порвалась.
Зигзагом небо распорола трещина
И будто бомба рядом взорвалась.

И дождь пошёл в начале неуверенно,
Как гость, впервой ступивший на порог.
И вскоре – ливень из небес беременных
Ручьями с пузырями вдоль дорог.

Спешат, вприпрыжку, спрятаться прохожие.
Глядишь на них задумчиво в окно.
Пусть я вдали, но мысли наши схожие,
На жизнь, поскольку зрение одно.

Пусть мы не знаем, сколько нам отмеряно,
Но то, что Бог и вёл нас, и хранил
В моей душе растущая уверенность _
Что в долгий путь он нас соединил.

А дождь пройдёт, как всякая распутица,
И всё ж, на всякий случай, помолюсь.
В пути меня хранит моя заступница
И я с рассветом вместе появлюсь.

И для неё, что по природе, верною
По жизни всей, не к датам и срокам,
Опорой стать могу не эфемерною,
Но той, что подобает мужикам.

Пришла хандра, она свалилась вдруг.
Я кутаюсь в неё, как в одеяло,
И так же вдруг приехал давний друг
И той хандры как будто не бывало.

Ему, как руку, душу распростёр
Он одолел такие расстоянья,
И с новой силой запылал костёр
Уже почти потухший без вниманья.

За нашу встречу выпили вина,
Перебирая годы, будто чётки,
Ребят, друзей всплывали имена,
С которыми служили на Чукотке.

Как на экране столько разных лиц
Хранятся в банке памяти поныне.
Покой страны, незыблемость границ
Мы берегли, как берегут святыни.

Три года службы – не баран чихнул,
Командный окрик и Устава палку.
Нас Север по серьёзному встряхнул –
Мы там мужскую обрели закалку.

По тундре марш-броски – не только спорт,
Но и ученья по любым погодам
У бухты Провидения, где порт
Прибежище дающий мореходам.

У дружбы есть и памяти простор,
Совпали б только векторы желаний
И, как дрова, бросали мы в костёр
Былых, солдатских лет, воспоминаний.

Наш сад ещё широк и светел,
Ещё в предчувствии весны
Пока ещё о прошлом лете
Свои досматривает сны.

Уже в аллеях больше люда,
Намного солнечней притом.
Предошущенье что ли чуда
Витает в воздухе самом.

Ещё изменчива погода,
Но ты старательно внемли:
Вершится таинство природы –
Всеобновление земли.

И ты услышишь, только нужно
К стволу прижаться головой,
Как набухают почки дружно
Ещё лишь будущей листвой.

Река, взбунтуясь, лёд прогонит,
Дохнет теплом с ближайших гор,
И уж ни что не остановит
Зелёный яростный напор.

На белый лист прольются строчки.
Огня прибавится в крови

И вновь раскроются, как почки
Сердца для ласки и любви.

Вокзал ЖД. Гудящий рой народа,
Гармошка шпарит – и азарт, и риск,
На долгих три, мы это знаем, года
Нас провожает в армию Норильск,

И всё в обрез, у нас уже всё вкратце,
Уже от всех мы как бы за стеной.
Мы не мальчишки; нам по девятнадцать
Таким тогда был возраст призывной.

В расцвете самом, в юношеском блеске-
Норильск, ты помнишь тех призывников;
Филиппов, Волков, Маслов, Соболевский
И ваш слуга, и Вовка Бордюков.

Ребят, с кем в путь, пытаемся прощупать,
Нам надо знать – с кем хлеб делить и соль.
И пусть мы в штатском, нас уже не спутать –
Поскольку все пострижены под ноль.

И вот плеснулось, зычно – по вагонам
Я буду ждать, люблю тебя, держись.
Назад качнулась, поплыла с перроном.
Осталась там налаженная жизнь.

А поезд набирал всё больше хода,
И пусть ничто нельзя предугадать,
Но так хотелось думать, что три года
Нас, как прихода солнца, будут ждать.

Мелькали придорожные картинки,
Пустел с дорожной снедью чемодан,
А впереди маячила Дудинка
И где-то там, за далью, Магадан.

К Владивостоку, это лишь вначале,
В столыпинских вагонах часть пути,
А дальше волны двух морей качали
На ветхом, от Ленд-Лиза, либерти.

В твиндеках в пласт валило с непривычки
На смех, которым море – ремесло.
И впрямь куда-то к чёрту на кулички

Потрёпанное судно занесло.

Когда ж, а мы лишились дара речи,
В тумане берег скалами набряк.,
У тех, кто с юга, вздрагивали плечи
И был заметен каждый сибиряк.

Скалистый берег был суров и мрачен.
Гудок над бухтой жалобно дрожал.
В логах, меж гор, за лето не истрачен
Снег белизны нетронутый лежал.

К армейскому распisanному быту
Нам нелегко давался переход,
И чувствовалось, рядом Ледовитый
И берег чуждый за полоской вод.

Он нас держал, а мы его – в тревоге.
Чуть что и– грозной техники оскал,
И ротный был, как эти скалы, строгим,
И лёгкой жизни в службе не искал.

Ученья в тундре, каверзы погоды.
Пурга и гнус – пресволочнейший зверь.
И эти, службы, три длиннющих года
Прекрасным мигом кажутся теперь.

И я бегу за памятью охотно
На берег камнем вставший на дыбы.
Суровый край, далёкая Чукотка –
Моей любви частица и судьбы.

Тревога командой нежданной
Вонзится нежданной порой,
И в миг из команды бесштанной
Солдатский спрессуется строй.

Тревога! И властно, и строго
Трубач тишину разорвёт,
И кто там ответит, тревога

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.